

Елена
Макарова

Цаща заморская

Елена Макарова
Цаца заморская (сборник)

«Самокат»

2019

УДК 821.161.1-31(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Макарова Е. Г.

Цаца заморская (сборник) / Е. Г. Макарова — «Самокат», 2019

ISBN 978-5-91759-777-5

В книгу известного писателя, куратора международных выставок и арт-терапевта Елены Макаровой вошли автобиографические повести о детстве, письма и дневники. «В раздумьях о давно созданном я достала чемодан с веселыми детскими письмами, – пишет Макарова. – Я посылала их родителям из больниц и интернатов. Будучи маленькой девочкой, я чувствовала зыбкость их отношений и понимала, что они терпят друг друга из-за меня; значит, я должна их постоянно радовать, и тогда они не разведутся». Сочувствие к потерянным взрослым, сострадание к обездоленным детям пронизывают произведения и жизнь автора. Об этом говорится не только в книгах. Выбрав профессию арт-терапевта, Елена Макарова продолжает помогать людям.

УДК 821.161.1-31(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91759-777-5

© Макарова Е. Г., 2019
© Самокат, 2019

Содержание

От автора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Макарова

Цаца заморская

© Макарова Елена, текст, фотографии, документы, 2019

© Макарова Мария, иллюстрация на с. 352, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

От автора

Что сказать? Дадаисты говорили: искусство – дрянь, литература – гадость, культура в целом – фу! Главное в жизни – «НИЧЕВО». Теперь их творения выставляются в лучших музеях мира, их книги и манифесты переведены на все языки мира. Кроме, кажется, корейского и китайского. К чему я клоню? К тому, что жизнь мудрее наших деклараций. И часто вещи, недавно созданные, уходят на дно, а давно созданные – всплывают.

В раздумьях о давно созданном я достала чемодан с веселыми детскими письмами. Я посылала их родителям из больниц и интернатов. Будучи маленькой девочкой, я чувствовала зыбкость их отношений и понимала, что они терпят друг друга из-за меня; значит, я должна их постоянно радовать, и тогда они не разведутся.

Как видно, я перестаралась. Перечитывая папины письма, обращенные к его родителям, я с удивлением обнаружила сообщение о том, что «Лена подружилась с девочками из интерната, что ее приняли в пионеры и что галстук ей повязал какой-то комсомольский вожак». На самом деле меня не приняли в пионеры за то, что я прикоснулась к святому паровозу, на котором Ленин прибыл устраивать революцию, за что мне в палате устроили темную, закатали в одеяло и душили; папа меня нашел в изоляторе. «Какие хорошие девочки, позаботились о тебе», – сказал папа, и я потеряла дар речи. Не навсегда, понятно.

В детстве я расспрашивала старых людей, что они поняли про жизнь. Ответы были неутешительными. Как же так, думала я, человек вот-вот умрет и не знает, что такое жизнь; что же делать? Мне было жаль взрослых. И себя, разумеется. Ведь и мне предстояло стать взрослой.

В «Рыжем муравье» маленькая девочка пытается понять, куда она попала, что это за мир такой, где взрослым не слишком-то уютно. «Цаца заморская» развивает эту тему недоумения. Вот уже полвека как я считаю себя взрослой, а недоумение так и не проходит. Зачем взрослые воюют, зачем взрослые постоянно унижают друг друга, и т. д. Дадаисты ответили бы на это – «НИЧЕВО», а я по глупости вопрошаю: зачем?

Зададим умный вопрос: зачем автор, то есть я, включила в этот сборник детские письма и дневники? Что они, собственно, добавляют к литературе, да простят мне дадаисты это слово?

«НИЧЕВО» или все-таки «ЧЕВО»?

Не знаю.

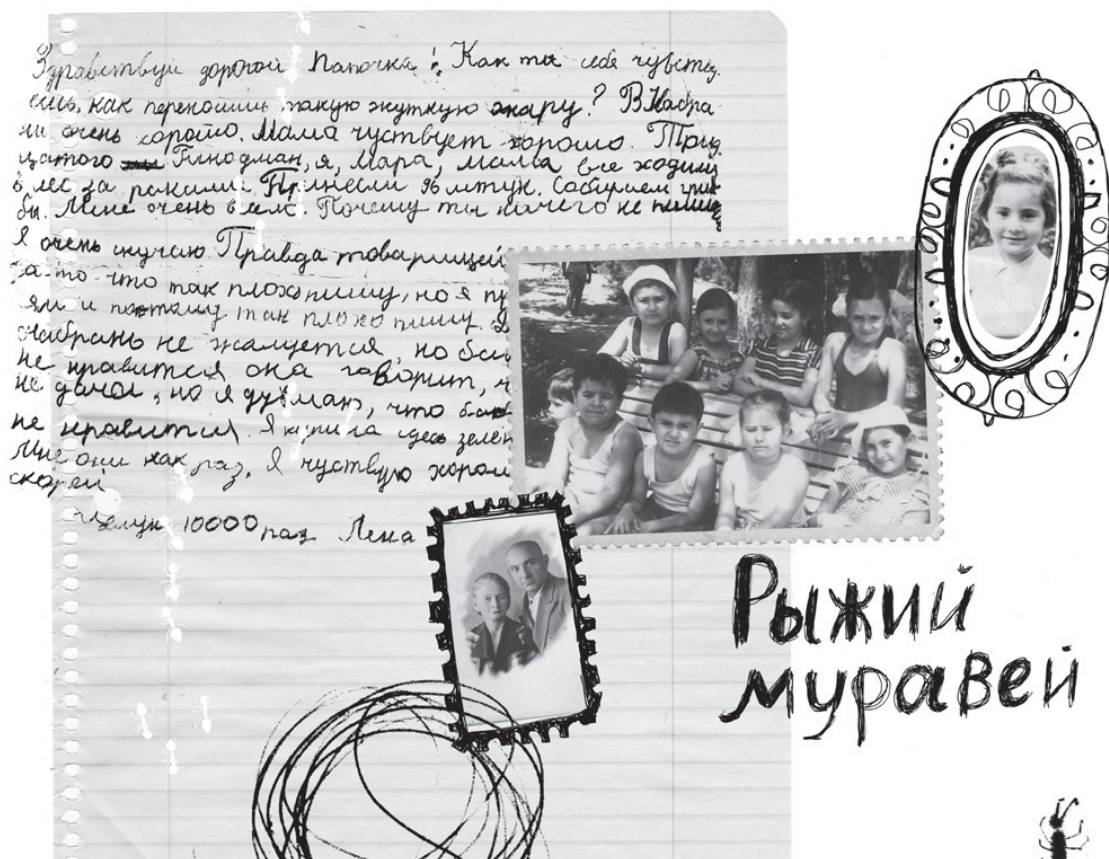
Но одним я точно могу вас порадовать: я оправдала доверие больничных подруг, выполнила практически все их пожелания пятидесятилетней давности. То есть и тут я оказалась хорошей девочкой, коей всегда хотела быть.

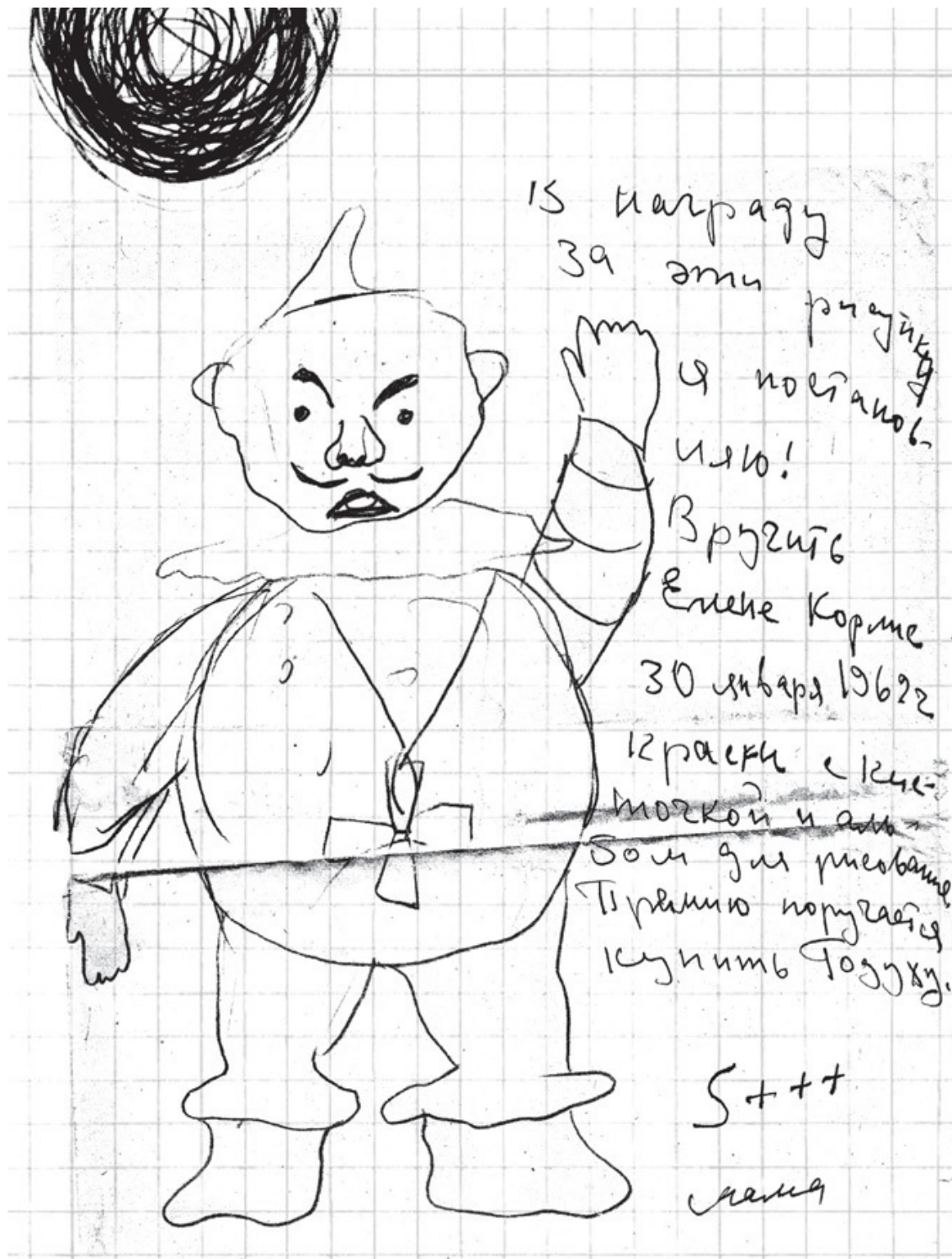
Галя Мартынова пожелала мне 7 мая 1964 года «попасть в литературный институт, и через годы ученья стать писателем, и написать книгу о Туристе». Выполнено. Далее она пожелала: «Найди себе мужа и не заглядывайся на других мужей, запомни, что ты замужем. Когда вырастешь, не кривляйся, не очень красься». С этим тоже справилась. И последнее: «Живи долго-долго, и пускай у тебя будет большая крепкая любовь». Живу порядком, «большая и крепкая любовь» не оставляет. К миру, во всяком случае.

Пожелания Полины Крупицкой от 10 мая 1964 года я выполнила практически на все сто процентов: «Леночка, я хочу, чтобы ты была счастливая». Да. «Чтобы ты была довольна жизнью, и чтобы ты никогда не делала грубых ошибок». Начет грубых ошибок не знаю. Все-таки были. «Выходи замуж не раньше двадцати лет, и так чтобы потом не приходилось плакать и каяться. Пусть у тебя будут два ребенка, мальчик и девочка, и чтобы мальчик был старше девочки. А когда ты будешь уже старенькая, пусть у тебя будут хорошие милые внуки, в которых ты не чаяла бы души». Все без единой ошибки.

Остальные пожелания варьируют те же темы.

И еще одна важная вещь: меня многие спрашивают про дальнейшую судьбу тех, кто описан в книге. Могу вас разочаровать: герои литературных произведений живут лишь в пределах книги. Разве что прототипы продолжают свое существование за пределами текста. Но прототип – не персонаж, автор лишь опирается на реальный образ. И все же судьба некоторых прототипов мне известна. Внутренне мало кто из них изменился. Детские лица все так же глядят сквозь морщины времен.

– Эй, мамбо, мамбо итальяно...

Желтая пыль с песком клубится за проезжающим мопедом.

Каждое утро, когда бабушка с тетушкой отправляются за молоком, Толик заводит мопед и пронесится мимо них с выкриком: «Эй, мамбо, мамбо итальяно...» Мопед тарахтит, бабушка чихает, отмахиваясь от желтой пыли, а тетушка останавливается, снимает пенсне и, протирая стекла носовым платочком, произносит:

– Какое убожество мысли!

– Хулиган! – вздыхает бабушка. – Что сделаешь с ребенком, если он уже хулиган.

– Местность богата членистоногими, – говорит тетушка, как бы оправдываясь за то, что ей уже второй год приходится молча сносить пыль и треск от ужасного мопеда. – О таком сосредоточении насекомых нельзя и мечтать.

При слове «инсект» мы с бабушкой замираем. «Инсект» – значит попросту «насекомое». Тетушка целыми днями сортирует насекомых по коробочкам. Коробочки изнутри отделаны черным бархатом. Я боюсь входить в ее кабинет – он окутан дремучей тайной и вызывает не любопытство, а страх.

С самого утра жара стоит невыносимая. У бабушки голова обвязана белым ситцевым платком, а на мне – панамка с отворотами. Я ее ненавижу.

– Тебе в голову ударит солнце, – говорит бабушка, – и будет большое несчастье.

– А что будет? – спрашиваю я.

– То и будет, – объясняет бабушка.

И я, представляя, как солнечный луч с острой стрелкой на конце ударится о мою голову, смиренно натягиваю панамку на макушку.

Тетушка шествует впереди под цветастым китайским зонтиком, мы с бабушкой еле за ней поспеваем.

– Лоб закрывай, – говорит бабушка, – вещь не для красоты, а для пользы.

«Наверное, не может быть, чтобы вещь была и красивая, и полезная одновременно», – рассуждаю я по дороге. Белая панамка с отворотами напоминает мне, что я еще не вышла из детсадовского возраста, из-за этой панамки Марка обзывает меня грибом толстопузым. Но на самом деле я уже взрослая и осенью пойду в первый класс.

Марка – приемная дочка тетушки. Ей двенадцать лет, а мне семь лет и восемь месяцев. Она страшная соня, а я встаю рано и слоняюсь по двору. Без нее меня за калитку не пускают.

Во дворе у нас, правда, очень интересно. Посреди двора огромное дерево – грецкий орех. Марка считает, что надо говорить не «грецкий», а «греческий», потому что он привезен из Греции. Она на этой Греции помешалась. Наш бакинский дом построил грек, и Марка врала, что это был ее прадедусшка. За вранье ее в школе отлупили, целую неделю с шишкой на лбу ходила. Тогда она прибежала из школы и попросила у моей мамы пятак – к шишке приложить. Шишка от этого не уменьшилась, а пятак Марка не вернула: сказала, нельзя, а то на всю жизнь с шишкой останешься. На следующий день пошли мы с Маркой на бульвар, и она купила эскимо на шишечные деньги. Мне и лизнуть не дала: «Заболеешь, – говорит, – ангиной, а я отвечай, мерси большое». Потом она выпила целых два стакана газировки и говорит: «Никто меня за грека не бил, я об столб головой треснулась».

Невозможно понять, когда Марка врет, а когда говорит правду.

Сколько раз я давала себе слово с ней не водиться – и ничего не получается. Первая подлизываюсь. Наверное, потому, что с Маркой меня отпускают за калитку.

Пока Марка спит, я расхаживаю по двору, подбираю с земли упавшие орехи. Они еще незрелые, зеленые, и кожица у них горькая-прегорькая. У спелых орехов эта кожица сама отпадает, а с незрелых ее надо соскребать ногтями. Это целое дело. Потом надо счистить тоненькую, еще не затвердевшую скорлупу и вынуть из середины сморщенное бело-зеленое зернышко. Если бабушки поблизости нет, я кладу его в рот. Зернышко сладковатое и совсем не похоже на спелый орех. Под развесистым деревом стоит миска с просом, около нее толкуются куры. Какую из них хозяин зарежет? Белую или пеструю? И потом мы будем есть суп, и все будут говорить, что это полезно для здоровья. От одной этой мысли делается не по себе.

У нас с Маркой в Баку были свои собственные цыплята, из зоомагазина. Мы их купили на сдачу. Какие они были хорошенькие! Мы устроили им тепленькую постельку на балконе, они сидели в ней нахохлившись и клевали просо. А потом они стали расти и облезать. И как-то тетушка, выйдя на балкон, сказала, что пора делать из них табака.

Я молила о пощаде, но тетушка заявила, что все в природе рождается и умирает, и ушла с балкона в свой кабинет.

– Не надо делать из них табака, – хныкала я у тетушкиной двери.

– Девочка, – сказала тетушка, разглядывая в лупу черненькую точку на булавке. – Жизнь есть существование белковых тел, отмирание живых клеток постепенно ведет к биологической смерти. Мертвую птицу в пищу употреблять нельзя – это отравка. К моему глубокому сожалению, ваши питомцы годятся только в пищу.

Цыплят зарезали в честь выхода тетушкиной статьи о лесных клопах. Цыплята лежали на столе в продолговатых блюдах, обложенные кусочками лука, обсаженные петрушкой и укропом и политые густым белым соусом, от которого пахло чесноком. Зажаренные тушки – вот что осталось от наших несчастных питомцев. Мы с Маркой смотрели на блюда с явным отвращением. Пытаясь разжалобить друг друга, мы тыкали пальцем в сторону голой куриной шейки.

Тетушка провозгласила тост за тех, кто вырастил к праздничному столу столь несравненную птицу.

– Никакую птицу мы не растили ни к какому столу, – сказала Марка. – Нам жаль бедных животных! – передразнила она тетушку, на что та не обратила никакого внимания.

– Дети! – произнесла она торжественно. – Вас с детства учат превратно толковать природу. Разумное существо – человек – потребляет в пищу неразумных существ, называемых в науке травоядными.

– Мерси за объяснение!

Тетушка и на сей раз пропустила мимо ушей Маркину дерзость. Все знают, что тетушка взяла Марку из детдома. Мама объясняла мне, что тетушка всю жизнь занималась наукой и ей некогда было обзаводиться семьей. А потом, когда она начала стареть, ей стало скучно и она взяла себе дочку.

Молоко продают в кирпичном доме у моря. Дотуда мы с Маркой добираемся за пять минут, а тетушка с бабушкой целый час тащатся. У бабушки одышка. Из-за грудной жабы. Эта противная жаба поселилась в бабушкиной груди и то и дело хватает ее за горло. Приходится останавливаться на каждом шагу.

– Выпей полный чайник воды, – уговариваю я бабушку, – пей через силу, вода хлынет из горла и вымоет из тебя жабу.

Мне такое промывание много раз делали. Когда у меня живот болел. Это очень противно.

– Моя золотая внучка, ты меня жалеешь. А если ты жалеешь бабушку, то...

И начинается перечисление того, что я должна сделать, если я и по правде ее жалею: съесть кусочек мяса, не выходить, боже сохрани, за калитку, не докучать тетушке, не околачиваться около хозяина, не сидеть на досках, не снимать панамку с головы, не лезть к курам, не умываться холодной водой, не ходить в уборную, а только на горшок, не подымать с земли орехи и, уж конечно, ни в коем случае не есть их. Бабушка уже забыла про вымывание жабы. Послушайся она меня хоть раз, мы бы не ползли как божьи коровки.

Тетушка ходит, как заводная кукла, почти не сгибая ног в коленях. Держится она настолько прямо, что, когда ей надо посмотреть в сторону, она поворачивается всем туловищем.

Навстречу движется стадо баранов. Мы с бабушкой отходим с дороги, а тетушка не меняет курса. Бараны с тоскливым блеяньем обходят ее стороной.

– Сказочное место: море, лес, река, и ни одного дачника, – говорит тетушка, скрываясь за высоким забором. В этом доме мы покупаем молоко.

– Пока тетушки нет, спустимся к морю, – уговариваю я бабушку, заранее зная, что бабушка не согласится. Ей трудно передвигаться по песку, за все время она ни разу не подошла к морю. И в лесу не была.

Лес – прямо напротив нашей дачи, и что только в нем не растет: ореховые деревья и финиковые пальмы, дикие яблони и груши, ежевика и какие-то неизвестные деревья с мелкими красными плодами. На всякий случай я их не пробую. Марка уверяет, что съела целую пригоршню и ничего, но я ей не верю.

Как-то она сказала, что если натереть зубы кожурой от грецкого ореха, то они станут белые-пребелые. Я и натерла. Потом целый день не могла рта раскрыть: зубы почернели, во рту стояла горечь, и горели десны.

– Нажалуешься, – шипела Марка, – завтра уйду в лес без тебя. И скажу твоей маме, что ты обзывала меня заразой.

– Не говори, пожалуйста! – просила я.

– Ладно, – соглашалась Марка, – закрой пасть. А то ходишь с высунутым языком, как собака в жару. Шутки понимать надо, ясно?

Я соглашалась, что надо понимать шутки, но все равно было обидно.

Все свои обиды я переживаю, сидя в одиночестве на груде досок. Наш хозяин строгаёт их огромным рубанком. На верстаке стоит бутылка, хозяин работает до тех пор, пока в бутылке ничего не останется. Ковыляя на деревянной ноге, он прислоняет пустую бутылку к забору, кладет рубанок на верстак и молча уходит в дом.

Хозяин хмурый. Он живет один и на лето сдает первый этаж тетушке. В этом рыбацком поселке мы единственные дачники.

Добираться сюда очень долго: полтора часа на настоящем поезде и два – в мотовозе по узкоколейке. Мотовоз – это сцепленные между собой открытые вагончики, они бегут по рельсам и весело позвякивают. Остановка мотовоза около дома, где мы берем молоко. Вагончики отъезжают утром и приезжают вечером. Иногда мне удастся упросить бабушку пойти встречать родителей. Мы плетемся по ночному поселку, кое-где светятся огни, с моря доносится запах водорослей. Бабушка называет его вонью. Такая вонь мне нравится.

– Опять ты заставила бабушку идти в такую даль, – ругает меня мама.

– Что вы, Зиночка, – заступает за меня бабушка, – девочка ждала вас всю неделю: «Когда мама приедет, когда мама приедет».

Бабушка сочиняет, чтобы угодить маме. На самом деле я вовсе не скучаю по родителям. С Маркой не соскучишься!

Бабушка меня нахваливает, а Марка ухмыляется. «Сейчас выдаст, что я купалась в море, – думаю, – сейчас выдаст. Больно уж у нее ехидная физиономия».

Марка плавает в трусах и в майке, а меня заставляет лезть в воду голышом. Чтобы не оставлять вещественных доказательств преступления. «Боже сохрани обманывать бабушку», – и Марка толкает меня на этот шаг.

Я боязливо стягиваю трусы и шлепаю к морю. Нарушаю обещание не входить без разрешения в воду. Марка мою бабушку ни во что не ставит, и мне не очень-то это нравится. Но попробуй ей это скажи! Зыркнет на меня своими белесыми глазками и покрутит у виска пальцем.

Купаться мне совсем не хочется. Я боюсь погружаться в воду, вхожу в нее потихоньку, с поднятыми руками и на цыпочках.

– Опускай руки! – кричит Марка, и я, дрожа всем телом, опускаю руки в воду. Иначе она станет брызгаться, а это еще хуже.

Я боюсь простудиться. Если я простужусь, бабушка вызовет родителей, они вызовут врача из Баку и как начнут лечить – целый месяц из-под одеяла носу не высунешь. А Марка будет гулять где ей вздумается и вдобавок обзывать меня всякими обидными прозвищами.

Марке море по колено. То на спину ляжет, то на бок перевернется, то, как лягушка, ногами взбрыкивает, а я стою в воде по самую шею и боюсь простудиться.

– Плыви! – командует Марка, но я не двигаюсь. Теперь-то не страшно, если даже она и брызгаться начнет. Я ведь в воде.

– Дура набитая! – кричит Марка. – Ты же заболеешь, если будешь стоять.

– Можно я вылезу, а, Мар?

– Вылезай, трусиха, – говорит Марка, лежа на спине.

Я с позором возвращаюсь на берег.

– Ляг на песок, не бойся! – командует она.

Но и на песок я боюсь лечь. Он влажный. Мне запретили лежать на песке. Я прыгаю, чтоб обсохнуть, надеваю трусы и платье с крылышками, а сама думаю, как бы вернуть Маркино расположение.

И тут меня осеняет: «Таинственный огурец!» Я заметила его вчера, но Марке не показала. Он пророс из-под гальки. Настоящий огурец, только в светло-зеленых ворсинках. Пока Марка ныряет и выныривает, я нахожу это место. Огурец цел. Может, это съедобный дикий огурец?

– Вылезай, я тебе что-то покажу! – зазываю я Марку.

Марка нехотя выходит из воды. Она худая-прехудая, ноги у нее как длинные палки, без всяких утолщений. И бегают она как кенгуру, скачками.

– Вот это номер! – восклицает Марка, вперив белесые глазки в огурец. – Надо снести тетушке.

Она нагибается и, упираясь в колени ладонями, обнюхивает мою находку со всех сторон.

– Думаю, что съедобный, – говорит Марка, слизывая воду, стекающую с волос.

– Спросим у тетушки. – Я тянусь к огурцу, но Марка отстраняет мою руку.

– Нет, я сама понесу.

– Нет, я! Я же нашла.

– Тогда я скажу бабке, что ты купалась, – говорит Марка и срывает мою находку. Она несет огурец на вытянутой руке, а я тащусь за ней, как побитый пес.

– Вот что мы нашли! – объявляет Марка. Хорошо хоть «мы»!

– Сипис пинтопулос, – провозглашает тетушка и подносит лупу к огурцу. – Несъедобно, не поддается одомашниванию. Растет в скалистой и каменистой местности. Выкинь! – велит она, тыча пальцем в мою находку.

– Отдайте! – Я беру огурец с тетушкиной ладони и иду переживать на свои любимые доски.

«Это же чудесный огурец, – размышляю я, – и хорошо, что его нельзя есть и он не подлежит одомашниванию. Жалко, что мы его сорвали. Рос он среди камней, собственной макушкой пробивал себе дорогу. На макушке у него был маленький желтый цветочек, Марка его потеряла. И щетина у него такая приятная, чуть жестче бархата».

Мне хочется собрать все ненужные вещи – недозрелые орехи, огурец, голову от разбитой целлулоидной куклы с вывороченными глазами – и сказать всем: «Это мое! Отдавайте мне все ненужное. Пусть вам это ненужное, а мне – нужное!»

Марка считает меня барахольщицей. Смеется надо мной, что я собираю все подряд: и гайки, и пузырьки от духов, и крышки от тюбиков, и почтовые открытки, и даже открытки с артистами. Зато когда тетушка со скандалом отобрала у нас карты, во что мы стали играть? В

артистов. Чей забьет по красоте, того и взятка. Это Марка придумала. Кричим, друг друга не слышим, я гребу открытки к себе, Марка к себе, я ее ущипнула, а она ка-ак врежет мне по уху:

– Хватит! Больше я в эту детскую белиберду не играю!

Решили мы сделать из артистов карты. Все-таки в карты лучше играть, меньше ругаться. Выбрали тридцать шесть самых красивых артистов и на обратной стороне, где написано, в каких фильмах артист снимался, пометили масть и карту. Но в такие карты долго не поиграешь. Я запомнила, что Клара Лучко – пиковая дама, Лановой – король крестей, а Марка могла не глядя полколоды назвать.

– Бью Гурченкой! – орет Марка. Но Гурченко вовсе не козырь, а она ею туза – Татьяну Самойлову – кроет.

– Марка, не жуль, – говорю, – давай семь козырь Светличную, она же у тебя!

– Жухала, – кричит Марка, – подглядываешь!

Ну а как же мне быть, если артисты эти сами на меня пялятся?

Тут тетушка нас и накрыла, подкралась – и цап Одри Хепберн с матраса.

– Ну-ка, – говорит, – почитаем, где снимается эта леди.

Поворачивает, а там пика нарисована, а внизу подписано «туз». Тетушка открытки велела выбросить. Но потом сжалилась и приказала стереть все надписи дочиста и принести артистов на проверку. Полдня мы усердно работали, а к вечеру предстали с открытками пред тетушкины очи. Она проглядела каждую на свет и говорит:

– Не нравится мне, как вы проводите время, придумайте себе какое-нибудь дело.

– А какое? – влезаю я и тут же получаю от Марки большим пальцем под ребро: мол, не хватало ей еще летом дела делать.

– Хорошо, – говорит тетушка, – раз вы сами не можете придумать себе дела, поручу вам сбор фауны данной местности.

– Что за фауна такая? – спрашивает Марка.

– Фауна – это весь животный мир, исключая высшее существо, наделенное разумом и называемое человеком.

– Живых приносить? – осведомляется Марка.

– Любых. В любом случае они подлежат обработке и засушиванию. Ценность фауны определяется разными факторами...

– А лягушек надо? – влезаю я.

– Нет, – говорит тетушка, – лягушек не надо. Лягушек консервирует Нина Феоктистовна.

Мы с Маркой прыснули. Эта Нина Феоктистовна – хорошенькая дура. Как-то мы подслушали, о чем она болтает с тетушкой: «Мой Лев Николаевич (так зовут ее мужа) раньше называл меня рыбонькой, бельдюженькой, а теперь лягушенькой. Как вы думаете, почему? Не потому ли, что у меня большой рот?»

Тетушка долго и пристально разглядывала рот Нины Феоктистовны. «Мне кажется, дело не во внешности», – сказала она. «А в чем же тогда?» – «В той области науки, которой вы посвятили жизнь».

Нина Феоктистовна надулась. Ее заслуги перед отечественной наукой отнюдь не исчерпываются препарированием и консервированием лягушек. Тогда и она может сказать, что тетушка похожа на инсекта. «Позвольте, на какого именно?» – полюбопытствовала тетушка.

На какого именно – мы не расслышали. Тяжело подслушивать. Мы стоим не шевелясь у закрытой двери: я – в рост, Марка – на коленях, – и по очереди смотрим в замочную скважину. Вот-вот войдет бабушка и увидит, чем мы занимаемся, до чего дошли!

– Иди-ка сюда, – зовет меня бабушка.

– Домашний арест! – ехидничает Марка. – Пузанчику пора играть в игрушки!

– Мара старше тебя на целых пять лет и четыре месяца, – заводит свое бабушка. – Она тебе не пара.

– А что я сделала?

– Пока ничего плохого. Но и ничего хорошего.

Значит, она не видела, чем мы занимаемся. Но для отвода глаз надо поиграть в игрушки. Я расставляю кукольную мебель, рассаживаю голышей по стульчикам, а сама прислушиваюсь: что там Марка в соседней комнате делает? Чем она там стучит?

– Бабушка, – говорю я, включая понарошку газ под игрушечным чайником, – пока у меня тут вода закипает, я схожу к Маре, посмотрю, что она делает. Ты меня звала? – спрашиваю Марку.

– Это еще зачем? Не видишь, я делом занята, – говорит Марка и со всего маху шлепает мухобойкой по стене. – Готово! Четыре – ноль в мою пользу.

– А ноль в чью пользу?

– Разумеется, в мою. Если муха сядет на меня, будет четыре – один, а если я еще одну прикончу и за это время на меня ни одна не сядет, будет пять – ноль.

– Здорово ты придумала, – восхищаюсь я Маркой, – а я не могу играть одна.

– Потому что ты бестолочь пузатая, – говорит Марка и промахивается.

– Так тебе и надо!

Как только такие слова изо рта вылетели?! Ну и пусть. Мне все равно пора выключать газ под чайником, ведь он и выкипеть может понарошку.

– Не буду больше с Маркой водиться, – говорю я кукле Власте.

– Правильно, – поддерживает бабушка, будто я с ней разговариваю. – Это твоя любимая кукла, пошей ей платьишко, покорми ее, ты совсем ее забросила.

– Бедная Власта, – говорю я, а сама прислушиваюсь.

То ли чудится, то ли на самом деле Марка уходит? Нет, не чудится, Маркины шаги я откуда хочешь услышу. У нее сандалии квакают, словно в каждую запихано по лягушке.

– Уходит, она уходит! – кричу я и с Властой под мышкой бросаюсь вдогонку.

– Пиявка, – говорит Марка, когда я, запыхавшись, нагоняю ее у калитки, – отстанешь ты от меня или нет? Проси прощения за «так тебе и надо».

– Прости меня за «так тебе и надо», – говорю я. У нас с ней уговор: извиняться друг перед другом, – но выполняю его только я.

Я едва успеваю за Маркой. Мне мешает кукла под мышкой, я прижимаю ее к себе, но она, как назло, все время выскользывает. Приходится останавливаться и подымать ее, а Марка меня не ждет. Я боюсь отстать и потеряться, но, если спросить Марку, куда мы идем, она ответит: «На кудыкину гору». Она всегда так отвечает.

Марка сворачивает с дороги, но в лес не заходит, берет левее. И тут я вижу огромное красное поле.

– Клубника, – шепчет Марка, – только тихо. Не есть, а наблюдать, как она краснеет. Ложись!

Я ложусь, хотя мне строго-настрого запрещено сидеть и лежать на голой земле.

– Никак не проследить, как она растет и краснеет, – сокрушается Марка. – Сегодня зеленая, завтра красная. Как это происходит?

– Пойдем домой, – прошу я Марку, – из-за твоих наблюдений нас заберут в милицию.

– Заткнись, – говорит Марка, – и заруби себе на носу: мы не едим, а наблюдаем созревание плодов! – А сама тянется за ягодой. – Видишь, я трогаю, но не ем.

– Давай дадим Власте попробовать, – предлагаю я, – как будто понарошку.

– Нет, – стоит на своем Марка. – Наша задача – наблюдать. Ползи за мной.

Марка ловко проползает между грядками, после нее и листочка мятого не остается, а я две ягоды животом раздавила.

– Пузо на колесах, – шипит Марка. – Продолжай обследование местности.

– Подожди, – шепчу я в подошвы ее сандалий, – мы еще за одной ягодой не пронаблюдали, а ты уже вон куда поползла!

Марка прижимает палец к губам и показывает мне кулак. Я замираю. Два черных сапога блестят у самого носа.

– Вот они! – слышится голос откуда-то сверху, будто с неба. – Теперь вы от меня не уйдете! – С этими словами человек хватается Марку за руку.

– Мы не едим, мы наблюдаем за ростом плода, – вступаюсь я за Марку.

– И тебе всыплю, – говорит человек, – встань-ка.

Я встаю. На животе расплылось красное пятно. Я ранена и вот-вот умру. Это очень страшно.

– Если все начнут наблюдать за ростом плодов, совхоз останется без урожая, – говорит он серьезно. И вдруг как рассмеется! – У вас ночью живот не болел? – спрашивает он, указывая на грядки с голыми кустиками. И снова смеется.

Другой бы не знаю что с нами сделал! А этот отпустил. Взял с Марки слово, как со старшей, что ноги нашей больше здесь не будет. Меня распирает гордость и душит обида. Гордость за то, что я вступилась за Марку, а обида за то, что она надувает меня, как маленькую.

– Все грядки объела, врунья, – ворчу я, сидя на досках. – Сколько, интересно, дней она «наблюдала за созреванием плода»? Нет, нельзя с ней водиться!

– Ты чего там долдонишь? – спрашивает хозяин и кладет рубанок на верстак.

– Я не долдону. Я переживаю.

– Мала еще, – говорит он, отхлебывая из бутылки.

Я боюсь хозяина. Бабушка просила меня вокруг него не околачиваться. «Он пьяница, он может тебя побить». Все-таки надо слушаться бабушку.

– Ты куда? – останавливает меня хозяин. – Я с тобой поговорить собрался. – Он снова хлебнул из бутылки и оперся о верстак локтями. – Вот ты – сколько тебе лет?

– Семь лет и восемь месяцев.

– А приезжали такая черненькая с серо-буро-малиновым – это твои родители, да?

– У меня папа – специалист по прессам, его по телевизору показывали. И никакой он не серо-буро-малиновый.

– Подумаешь, по телевизору показывают! Велика честь! – сказал хозяин и снова принялся строгать.

Одинокие все со странностями. Взять нашу соседку Марго, проводницу поезда «Баку – Москва». Когда она в рейсе, дома тихо, а вернется – только ее и слышно: все ей мешают, на всех она орет. А зато нам с Маркой привозит из Москвы хрустящую картошку. Выдаст торжественно по пакету и скажет: «Детей бы оставила, а взрослых – всех из автомата».

После таких слов, кажется, никакая картошка в рот не полезет. Но стоит проткнуть в пакете дырочку и нюхнуть... Марка считает, что так пахнет Москва.

Мы сидим на тетушкином балконе и хрустим что есть мочи. Надо поскорей опустошить пакет. Домой с московской картошкой лучше и не показываться – сразу промывание желудка. А Марке оставить – съест. Даже если взять с нее честное слово, что не будет. Все мечтают, чтобы Марго куда-нибудь отселили. А мы с Маркой – нет. Она нам картошку возит и про Москву рассказывает. Марка говорит, что характер у тетушки не лучше, чем у Марго. Просто ей повезло, что она нашла такое сокровище. Неужели Марка по-честному думает, что она сокровище?

– Вы сдали нам комнату потому, что вам здесь одному скучно? – спрашиваю я у хозяина.

– Смотри ты, пигалица, а какие вопросы задает, – удивляется хозяин и убирает рубанок под верстак. – Больно много от вас веселья! Нет уж, не от скуки я квартирантов пускаю. Деньги коплю, ясно?

– Зачем?

– Машину хочу купить. На одной ноге далеко не ускачешь, а на машине всю страну объездить можно. Куплю машину и завяжу, – говорит хозяин и приставляет к забору пустую бутылку. – Только ты меня не выдай. Это тайна. Я тебе по пьянке проболтался.

«Лишь бы Марке не выдать, – думаю, – а бабушке я и так не скажу. Она считает, что машину покупают, чтобы безвременнo скончаться. Может, и хозяин хочет безвременнo скончаться?»

– Марка, как ты думаешь, зачем покупают машину? – спрашиваю я ее.

– У тебя никакого самолюбия нет. – Марка разглядывает в зеркале прыщи на лбу. – Чего пришла? Ты же на меня обиделась!

– Спросить, для чего покупают машину.

– Предки решили купить авто! – гудит Марка, не отрываясь от зеркала. – Сознаться!

– С удовольствием бы созналась, – отвечаю с достоинством, – но у нас нет денег.

– Ну уж не говори! Твоего отца по телевизору показывают... Ладно, садись, так уж и быть. Я вскарабкиваюсь на высокий тетушкин стул.

– Так вот, – говорит она учительским тоном, – машину покупают те, у кого денег куры не клюют.

– Ясно, – отвечаю я и представляю, как вместо проса хозяин насыплет в миску денег и бедные куры будут без толку тыкаться в них клювами.

– И кому делать нечего, – прибавляет Марка.

– Сбор насекомых – вот дело, которому вы должны посвящать досуг, – раздается голос тетушки. Она считает, что мы с Маркой страдаем от безделья.

Выйдя из кабинета, тетушка окидывает нас усталым близоруким взглядом.

– Насекомые бывают вредные и полезные, – сообщает она.

– Вредных собирать не будем, – перебивает Марка.

– А что ты понимаешь под «вредными»? – спрашивает тетушка.

– Клещи, – небрежно бросает Марка.

– Правильно. Постельные клещи – это непосредственные вредители. К ним также относятся вши трех видов и насекомые-кровососы: комары, слепни, москиты, муха-жигалка и блохи.

– Этих не будем, – говорит Марка.

– Но есть и такие насекомые, которые непосредственно человеку не вредят, но вредят природе.

– Зачем же тогда их природа выдумала, если они ей вредят? – пожимает плечами Марка. – Сама себе врагов придумала, а ты, человек, ее избавляй!

Тетушка ничего не отвечает на Маркин упрек в адрес природы. Она боится потерять мысль.

– Взять, к примеру, шелкопрядов! Походный и непарный шелкопряд вредят природе, а тутовый шелкопряд – помогает. На первый взгляд они похожи.

Вот и знай, кого брать, а кого оставлять в лесу как вредного!

– И всех-всех нести? – недоумевает Марка. – Они же нас зажрут.

– Вас ждет награда, – таинственно произносит тетушка.

При слове «награда» Марка настораживается.

– Своеобразная, конечно. Прославление имени, фамилии и отчества нашего.

– Чего-чего? – не понимает Марка.

Я тоже не понимаю, но не переспрашиваю, чтобы не выводить Марку из себя.

– Редкостный инсект будет подписан вашей фамилией. Например: цинипс тинктория, по-нашему – орехотворка. Насекомое, производящее чернильные орешки. Прилагается табличка с надписью: «Цинипс тинктория» – большими буквами и ниже: «Мара Копейкина, июль пятьдесят восьмого года, населенный пункт Набрань Азербайджанской ССР».

– Пыпис-сипис?! – возмущается Марка. – Только попробуйте подписать эту гадость моим именем!

А по-моему, здорово звучит: «Цыпис Виктория – Пенкина Лена»! Лишь бы только Мара согласилась!

– Где это будет опубликовано? – спрашивает она.

– В реферате, – отвечает тетушка.

Я не знаю, что такое реферат. Какая разница, где напечатают мою фамилию, имя и отчество. Я мечтаю прославиться. Таинственные чернильные орешки, шелкопряды... У непарного шелкопряда нет пары, есть, правда, походный, но он – в походах, и у него нет времени оставаться, чтобы стать в пару с непарным шелкопрядом. Я готова сию минуту бежать в лес, но Марка не спешит.

– Стрекоз надо? – уточняет она. – Их тут навалом на речке.

– Ах, стрекозы! Сколько роскошных красавиц переловила я в дни пламенной юности! – восклицает тетушка. – За одну голубокрылую давали пять пузыреногих!

Я смотрю на тетушку и не могу себе представить ее молодой. Наверное, она была худая и бегала, как кенгуру, скачками. А если так, то выходит, что она похожа на Марку. Может, она выбрала ее по фотографии в коричневой рамке, которая стоит на лабораторном столе? Девочка с огромным бантом на макушке прижимается щекой к голубю. Марка считает, что это чучело голубя; будь голубь живым, он бы вырвался – стал бы он терпеть такое издевательство! Так вот, на этой фотографии тетушка как две капли воды похожа на Марку.

– За одну голубокрылую – пять пузыреногих, – вздыхает Марка. – Если б за них давали велосипед, я бы тебе штук десять принесла. За велосипед я, так и быть, согласна собирать всю эту шелупонь насекомую.

– Хорошо, – говорит тетушка, – будет тебе велосипед.

– И я, я тоже согласна – за прославление моего имени и фамилии.

– Она тронутая. – Марка смотрит на меня с презрительной жалостью. – То лезет фотографироваться, то подписывай букашек-таракашек ее именем.

Тетушка вытянула шею, как курица у миски с просом.

– Она хочет остаться в памяти живущих, что в этом зазорного? Нас, людей, природа наделила разумом и для равновесия придала нам ряд неприятных черт.

Тетушка еще долго распространяется насчет мудрости природы. Закончив свою речь на том, что человек, осознав свои недостатки, должен изо всех сил стараться от них избавиться, тетушка выдает нам по сачку и по три спичечных коробка.

– Подпишите: бабочки, жуки, стрекозы.

– Гусениц надо? – осведомляюсь я, выводя букву «ж» на этикетке.

– Желательно.

– Тогда и для них коробок.

– Гусеницы – это будущие бабочки, – объяснила она. – Они не нуждаются в отдельном помещении.

– За сколько стрекоз?

– Что? – не понимает Марку тетушка.

– Велосипед – за сколько стрекоз?

– За пять. – Тетушка рассеянно смотрит куда-то поверх наших голов. Наверное, слово «стрекоза» напоминает ей о днях пламенной юности.

Подхватив в прихожей сачок, Марка несется в лес. Я – за ней.

– Вернись! – кричит бабушка.

«Теперь точно родителям нажалуеться», – думаю, а сама бегу, боюсь от Марки отстать.

Лесная речка нравится мне больше моря хотя бы тем, что в ней нельзя купаться: она мелкая, и по ее дну ползают раки. Сиди себе в прохладе и смотри, как плещется вода о камни и от этого получается ожерелье из мелких пузырей. Чуть выше по течению речка спокойная, темно-изумрудная, а в излучине бурлит и искрится. Все солнце собралось здесь. Пузыри, как цветные лампочки, загораются и гаснут на поверхности, переливается на дне разноцветная галька, даже серые раки кажутся не такими серыми.

Лес темный. Высокие деревья обвиты лианами, паутиной и диким виноградом. Бежать за Маркой не так-то просто, особенно такой толстой и неуклюжей, как я; корни старых карагачей на каждом шагу норовят подставить мне подножку. Они разрослись и выползли наружу, под землей им, видите ли, места не хватает, и от этого у меня все коленки в синяках. А Марке хоть бы что, перемахивает через корни и бежит дальше, я за ней еле поспеваю.

Кроны грецкого ореха заслоняют собой солнце. Но оно все-таки пробивается, сверкает на бархатистых листочках, бабочки на своих крыльях переносят крошечные лучики и на лету освещают лес.

У речки мы с Маркой переводим дух и счищаем с себя паутину. Посреди реки – плакучая ива. На ее извилистых ветвях греются стрекозы и бабочки. Солнце играет на голубых и ультрамариновых стрекозиных крыльях, ласкает их круглые радужные головки и тонкие, рыжие в черную полосу тельца.

Марка с тоской глядит в реку. Голубокрылые прочно обосновались на плакучей иве, а сама ива вцепилась корнями в противоположный берег и повисла над рекой, как кочерга. Стрекозы, похожие на маленькие самолетики, слетают с дерева, кружатся над речкой, садятся на нее своими брюшками и раскачиваются на легких волнах.

– Пять штук – суцья чепуха! – заявляет Марка. – Сперва переловим раков, чтоб за ноги не цапали, потом перейдем реку вброд, влезем на дерево – и чик-чик голубокрылых. Приступаем к вылавливанию. Занимай место, – указывает она туда, где река изумрудно-зеленая и тихая-претихая.

– А жуки...

– Молчи, пока тебе не всыпали! Что важнее: велосипед или прославление твоей дурацкой фамилии?

– Сама ты дурацкая, – говорю я тихо, чтобы Марка не услышала.

– Ну что ты там расселась? Давай перехватывай раков, чтобы твои ко мне не приползли. А со своими я сама справлюсь!

Я встала на колени и запустила в воду сачок, а Марка улеглась и подставила солнцу белобрысый затылок.

– Ну как там у тебя, – спрашивает, – тяжелее? – А сама смотрит зачарованно на стрекоз, словно это не они, а велосипеды над водой летают. – Ну-ка я их распугаю! Принеси камень!

– Как же я принесу, если мне надо раков перехватывать?

– Брось сачок и давай сюда камень, – командует Марка.

Но сачок я не бросаю. Я пока еще в своем уме. Я вынимаю его из воды вместе с раками.

– Двоих перехватила, – сообщаю, – что с ними делать?

– Перехватила – и держи.

– Они вылезают!

– Это меня не касается, – кричит Марка, – мне камень нужен!

– Тогда я их выпущу, а ты в свой сачок поймай.

Трясу над водой сачком, а раки зацепились клешнями за сетку – и ни в какую.

– Руками, – кричит Марка, – руками, не сахарная!

Я притрагиваюсь пальцем к рачьей спинке, пытаюсь столкнуть рака в воду, а он вместо благодарности тят меня за палец. Бросаю я сачок в воду и реву.

– Так что ты там, ищешь камень или нет? Кто у нас мечтает прославиться?!

Подняла я первый попавшийся камень и понесла Марке. Та взяла его с моей ладони не глядя, прицелилась и запустила в дерево. Стрекозы – ноль внимания. А вот бабочка вспорхнула и стала кружиться прямо у меня над головой. У нее необыкновенные крылья, черные в желтую крапинку. Поймать бы, да сачок в воде!

– Чего пасть раззявила! – орет на меня Марка не своим голосом. – Тащи другой камень!

– Вот привязалась, – ворчу я, но так, чтобы Марка не слышала.

– Идея! – Марка воздевает палец к небу. – Меня осенило! Сбегаю-ка я за ведром для раков, а то нам складывать их некуда, а ты пока полови моим сачком, ладно?

Марка стала поласковой: если я не соглашусь, вся ее затея лопнет. А я возьму и не соглашусь.

– Посижу, – отвечаю неохотно, – но не долго. Минут десять.

– Отлично, я мигом! – бросает на ходу Марка.

Сижу я в лесу и совсем не боюсь. На всякий случай повторяю: «Я не боюсь, я не боюсь». Чтоб не забыть, что я не боюсь.

Древко в руках тяжелеет – раков набилось полно, вот-вот прогрызут сетку и расплзутся. Марка за это меня по головке не погладит. Не хочу, чтобы ей покупали велосипед. Тогда уж точно за калитку не выйдешь. Интересно, всего несколько шагов от берега – и уже дна не видно. Там, где я ловила раков, вода была темно-зеленая, а здесь дно как на ладони. Видно, как раки в моем сачке клешнями перебирают, усами шевелят, а выбраться не могут. Выпусти я их – конец нашей дружбе, Марка мне этого не простит, но смотреть на их муки тоже невыносимо.

А, с Маркой все равно уж больше не дружить: наловит стрекоз, купит ей за это тетушка велосипед, и укатит она на нем неизвестно куда. Тетушка за ней не следит, как бабушка за мной. Скорей бы вырасти и ходить куда вздумается. Если б меня одну выпускали за калитку, разве стала бы я подлизываться к Марке? В школе ее терпеть не могут, потому что она вредная. Одна я ее терплю.

Играем в школу – она ставит мне одни двойки, а соседке Рафиге пятерки, хотя я пишу настоящие буквы, а Рафига – волнистые линии. В балет играем – Марка всегда учительница. Рафигу хвалит, а на меня кричит: «Не та нога, не та рука!» – нарочно меня путает. А потом подойдет и как даст пинка!

На мультфильмы мы с ней ходим в кинотеатр «Вэтэн». Экрана не видно, и я прошусь на колени.

– Встань и стой, – говорит Марка.

– Тогда идем домой, – говорю я. – Это моя мама покупала билеты! Не могу я полтора часа в темноте стоять!

А она мне на это:

– Отвяжись! Чтоб я еще раз в жизни согласилась взять тебя с собой!

И я отвязываюсь. Вдруг и вправду не возьмет!

В городе родители на выходные отправляют меня к бабушке. Как-то раз я уговорила Марку пойти со мной обедать. Ее только едой и заманишь. Поела она и говорит:

– Ну и скука здесь! – Подошла к зарешеченному окну и спрашивает: – Куда это выход?

– Это не выход, – отвечаю я, – выход там, где мы входили.

– До чего же ты порядочная, – говорит она, а сама просовывает голову в решетку, – скука берет от твоей порядочности. – Марка вытягивает руки, подбирает под себя ноги и, отталкиваясь, вылетает в чужой двор. – Адё! Компот пей сама!

На прощание она состроила мне такую рожу, что, сумею я пролезть через решетку, ей бы точно не поздоровилось.

– Кушай за двоих, пузо на колесах! – дразнит она меня, пользуясь тем, что я не могу до нее дотронуться.

За выходные я так извожу бабушку, что ей приходится отдыхать от меня целую неделю. Что бы она ни делала, я талдычу свое: «Вот бы мы с Марой пошли на бульвар, прокатились по два раза на водных и три – на простых, знаешь, как хорошо на каруселях кататься!» На самом деле ни на каких каруселях мы с Маркой не катаемся. И бабушка не виновата, что меня к ней «подкидывают». А то пристану с книгой – почитай да почитай, – хотя прекрасно знаю, что бабушка неграмотная. «Оставили бы меня дома, мы бы с Маркой в зоомагазин пошли!» – капаю я бабушке на мозги. «Эта Марка тебя только портит, – говорит бабушка. – Даром что сирота».

И тут я принимаюсь Марку расхваливать! Каких доблестей я ей ни приписываю: и добрая, и честная, и умная, – и все подтверждаю «правдивыми» историями. «Ой, Ленка, – недоверчиво смотрит на меня бабушка. – Дай бог, чтоб это было так! Жизнь покажет!»

Вот жизнь и показывает: сижу я одна в лесу, Марки нет как нет. Вдруг слышу – треск. Оборачиваюсь, а это Толик на мопеде. А с ним Марка безо всякого ведра.

– Вываливай раков в воду, – командует она, – будем реку на мопеде форсировать!

Пока я сидела одна в лесу с дурацким сачком, Марка вырядилась. На ней брюки, голубая куртка на молнии и черные резиновые сапоги по щиколотку. Брюки тетушка подарила Марке в прошлом году, но они с нее падают. Может, она их веревкой привязала?

– Сама и вываливай, – бросаю небрежно – нарочно так при Толике разговариваю, чтоб не зазнавалась.

Толик берет у меня тяжелый сачок, опускает его в воду и переворачивает вверх дном.

– Гуляйте, пока я добрый, – говорит он вслед уползающим ракам, – и больше под руку не попадайтесь, не то я вас в два счета в красных превращу. Этих ловить? – спрашивает он Марку, тыча пальцем в голубокрылых стрекоз. – Вас я подвезу к дереву, а там уж сами глядите. – Толик обращается к Марке на «вы»! – Держитесь крепче, – предупреждает он ее, берет за руль и вопит не своим голосом: – Задавлю!

И они с Маркой въезжают в реку. Колеса мопеда с треском перекатываются по камням, от такого шума все стрекозы взлетают в воздух.

– Ой-ой, – взвизгивает Марка, – останови!

И тут, как по команде, мотор заглох.

– Держитесь! – кричит Толик, плюхаясь в воду. А за ним Марка. Упала в воду и давай голосить – рак ей в ногу вцепился. А вот когда мне вцепился, я терпела молча. Толик отцепляет рака от Маркиной ноги и помогает ей подняться.

– А вы сачок забыли, – говорю я. На самом деле я это сразу заметила.

– Да на кой он нам, – отвечает Марка, вскарабкиваясь на дерево и подавая руку Толику.

Знала бы тетушка, что Марка водится с типом, который каждое утро проносится мимо нас на мопеде, да еще с какими-то неприличными, по ее мнению, песнями.

«Не хватало, чтобы они влюбились», – думаю я. А они сидят себе верхом на изогнутом стволе, до меня им и дела нет. Вот она, настоящая угроза дружбе!

Голубокрылая стрекоза спикировала на ивовый листок в нескольких метрах от Марки. Она это заметила и начала было ползти по стволу, но Толик схватил ее за резиновый сапог и не пускает.

– Погодите, – шепчет он, – эта стрекоза – разведчик. Следом за ней все слетятся!

Сидит Марка на дереве с хулиганом Толиком, с обоих вода течет, а над ними кружатся стрекозы. Голубокрылая красавица делает несколько витков вокруг Маркиной головы и

садится рядышком на ветку. Марка складывает ладонь совком и заносит над стрекозой. Та ни с места. Марка опускает руку ниже, еще ниже и ка-ак хлопнет по дереву.

– Поймала! Поймала! – кричит она и ладонь ладонью накрывает. – Ура!

– За крылья не хватайте, иначе упустите, – советует Толик.

– Смотри, – кричит она мне и машет в воздухе пойманной стрекозой. – Чудо-инсект, велосипедное колесо!

И тут чудо-инсект как вырвется из Маркиных рук, одно крыло на ладони осталось. Марка ринулась было вдогонку, но оступилась и рухнула с дерева в воду.

– О-о-о! К черту все! Велосипед проклятый! – ревет Марка.

Толик еле вытащил ее из воды. Коленки у нее сбиты в кровь, на лбу – ссадина, и брючина разорвана.

Мы с Толиком ведем покалеченную Марку домой. То есть Толик ведет ее за руку, а я плетусь рядом. Мне она руки не дает.

– Йоду, скорей йоду! – восклицает тетушка. – Завтра же куплю велосипед, не надо мне никаких голубокрылых! Если б я знала, какой опасности я тебя подвергаю...

– Ку-у-упишь, – стонет Марка, – теперь мне костыли нужны, а не велосипед.

– Перелом! – восклицает тетушка, ощупывая Маркину ногу.

– О-о-о! – кричит Марка на весь двор.

На крик прибегает хозяин, за ним – бабушка.

– Чего собрались, – стонет Марка, – не видите, я умираю!

– Врача, – говорит бабушка, – тут нужен специалист!

– Не хочу врача, – заявляет Марка, – катитесь все отсюда.

– Значит, здорова, – заключает хозяин. – До свадьбы заживет.

Тетушка склонилась над Маркой и в растерянности водит ладонями по своей зелено-коричневой переливающейся юбке. Материал был куплен в уцененном магазине. Маркина куртка и брюки тоже оттуда. По словам тетушки, в этом специализированном магазине можно одеться с головы до ног. Ткань, предназначенная на подкладку, шуршит при каждом движении, подает Марке сигнал: тетушка поблизости.

– Не скреби, – велит Марка, и тетушка покорно опускает руки по швам.

– Надо ей воды дать, – спохватывается бабушка и семенит на кухню.

Я – за ней, чтобы взять у нее стакан и поднести Марке. Пусть знает, что я ее настоящий друг на всю жизнь.

– Как это произошло? – строго спрашивает бабушка.

– Очень просто. Марка взобралась на дерево, хотела поймать стрекозу, но промахнулась и упала.

– Но почему же она вся мокрая?

– Потому что дерево было в речке.

– Ты ходишь на речку?! Ты купаешься?! – Стоит бабушке повисить на меня голос – жаба тут как тут, она надавливает ей на горло, и бабушка начинает сипеть. – Ты заболеешь! Если уже не заболела. Поди сюда! – Она прикасается губами к моему лбу. – В постель, безо всяких разговоров!

– Но я же не падала с дерева в реку!

– Ничего не знаю. Вылежишь три дня, пока не нормализуется температура.

Бабушка временами становится невыносимой. Стукнет ей в голову, что я больна, – и все тут. А не ляжешь – нажалуется. Нажалуется – мама с папой не разрешат ходить с Маркой в лес. Все упирается в разлуку с Маркой.

Лежу я, кружку к стене приставила и прижалась ухом к ее дну. Это слуховой аппарат. Мне его порекомендовала Марка. Хотя и без кружки через фанерную перегородку все хорошо

слышно. Если проделать в фанере дырку, можно записками перебрасываться. Но Марка не хочет. Я и без того ей в печенках сижу, она прямо не знает, как от меня отделаться. Я убрала кружку, приложила ухо к фанере. Нет, вроде с кружкой слышно лучше.

– Как тебя угораздило? – раздается голос хозяина.

– С дерева упала, – хныкает Марка.

– Я вот так же в твоём возрасте! Нет, постой, лет на пять постарше... С парашютом прыгал, а он возьми да и не раскройся. Результат перед вами.

«Это он про ногу», – догадываюсь.

– В войну? – спрашивает Толик.

– В нее, родимую, – отвечает хозяин.

– Бедный мой Петенька, любимый сыночек! – причитает бабушка. – Лучше б у него была деревянная нога и он остался жив.

Бабушка как только узнала, что ее старший погиб, так сразу и заболела грудной жабой. Бедная, и я еще ее не слушаюсь.

Бабушку жалко. Скоро она кончит жить, не увидев ни одного города, кроме Баку, и не прочитав ни одной книжки. Телевизор она смотрела один раз в жизни, у соседей, когда показывали папу. Ради этого она поправа свой главный принцип: «Пусть они к тебе ходят, а не ты к ним». Папа рассказывал на весь Азербайджан про работу прессов, и бабушка плакала от счастья. У неграмотной матери вырос сын-изобретатель!

Бабушка и мной гордится. Когда к ней приходят старушки-подруги, она выкладывает на стол четыре тома истории СССР с картинками и велит мне читать подписи. Картинки подписаны крупными буквами. Такой шрифт я читаю свободно, а мелкий – по слогам.

– Читай! – велит мне бабушка. – А вы проверяйте, – велит она подругам, – проверяйте, проверяйте!

Картинки такие страшные, что я стараюсь поскорее прочесть подписи и перевернуть страницу.

Старушки мной восхищаются, но бабушке все мало:

– Теперь второй том.

Я раскрываю его наугад и снова читаю подписи под страшными картинками.

– Видите, – говорит бабушка, – она может прочесть любой том!

Зря мои родители ругают ее за то, что она всем подряд демонстрирует мои способности. Во-первых, не всем подряд, а во-вторых, чем ей еще гордиться?

Иногда на меня такая жалость нападет! Всех жалко: упавший незрелый орех – за то, что свалился до срока; хозяина – что живет один и к тому же без ноги; тетюшку – за то, что Марка ее совсем не любит; да и саму Марку. Хотя ее вроде бы и жалеть не за что. И дом жалко – разрушится, и листья жалко – опадут. А больше всего себя жалко. Что я за всех переживаю и все терплю.

Лежу больная. Для бабушки больная, а для себя – здоровая. Укрылась одеялом, чтобы бабушку не расстраивать, хотя жарыща жуткая.

Сейчас, думаю, самое удобное время бабушку слушаться. Марка лежит, а значит, никуда от меня не денется. Можно считать, что мы на одной кровати, а между нами фанерная перегородка. «Мар, давай поговорим», – прошу я ее, но она не откликается. Тогда я скребу ногтями по фанере. «А ну-ка прекрати там, а то получишь у меня!» Я тут же прекращаю. Главное, удостовериться, что она на месте.

Наверное, она уснула, и все ушли, чтобы ей не мешать. И зря. Марку так просто не разбудишь. На нее и будильник не действует, и тетюшке иногда приходится прибегать к крайним мерам. Это что-то вроде пытки: тетюшка смачивает тряпку в умывальнике и кладет ее Марке

на лоб. Та вскакивает и кричит. Иногда я от ее крика просыпаюсь. Ведь в Баку мы тоже живем через стенку.

– Приходите еще, – раздается шепот, – я могу показать вам уникальную коллекцию паукообразных и кое-что из отряда клопов и равнокрылых.

– Спасибо, – благодарит тетушку хозяин, – только я вашим предметом не интересуюсь.

– А зачем это вы клопов собираете? – спрашивает Толик.

– Видите ли... – продолжает шептать тетушка. Наверное, она все еще не может оправиться от шока, иначе говорила бы в полный голос – она-то знает, что Марку так просто не разбудишь. – Я занимаюсь не постельными клопами, а клопами лесными и солдатиками. Ну и конечно, тлей. Все перечисленные насекомые – вредители леса и урожая. В мою задачу входит выявление разновидностей и методов борьбы с вредными насекомыми на всем земном шаре.

– И в Антарктике? – интересуется Толик.

Последовало молчание. Толик поставил тетушку в тупик.

– В Антарктике насекомые не водятся, – отвечает за нее хозяин. – Блохи бывают. И все.

– Чтобы дать компетентный ответ, мне нужно посмотреть литературу, – говорит тетушка. Видно, она обрадовалась, что Толик заинтересовался ее клопами. – Но и у меня к вам будет просьба: не могли бы вы выбрать день и поехать со мной в город за велосипедом?

– Билет купите? – по-деловому спрашивает Толик.

– Безусловно, и если вам еще что-то понадобится в городе, то...

– Насос, – перебивает он тетушку.

– С удовольствием. Петр Гаврилович, – обращается она к хозяину, – если вам по какой-то причине неинтересно говорить про равнокрылых, мы найдем другую тему, например про... про... про загрязнение внешней среды... – Тетушка без темы не может. – Проблема стоит остро...

Раздается стук – это хозяин костылями стучит. Видно, надоела ему тетушка, и он пошел к себе домой.

– Вы ободрались? – снова раздается тетушкин голос. – Вот я вижу дырку.

– Так и было, – отвечает Толик.

– Я с удовольствием поставлю вам заплату.

– Не-е, я в трусах не останусь. Так когда мне зайти насчет велосипеда, вы говорили, что покупать.

– Следите за порядком слов в предложении, – строго говорит тетушка. Видно, пришла в себя. – Речь у вас нечленораздельная, предложения рваные. Разве так должен изъясняться ученик седьмого класса, если я не ошибаюсь?

– Пятого, – поправляет ее Толик, – я два года в четвертом классе оставался.

– Если я не ошибаюсь, это вы поете: «Эй, мамбо, с нею ходят на свиданье и танцуют на гулянье»? В этом предложении отсутствует подлежащее. Кто и с кем ходит на свидание? Непонятно.

– Ну и что?! – отвечает Толик. У него получается не «ну», а «ны».

– Какое убожество мысли! – говорит тетушка, делая упор на «убожество». У нее получается «убожество».

Послышались шаги Толика. И Маркин зловещий шепот в стенку:

– Ну ты, сикильдявка, я тебе шею сверну.

Оказывается, Марка не спала – она притворялась, выжидала, пока все уйдут.

– Вы мне надоели, все, все, все! Лучше б не забирали меня из детдома! Зачем вы меня забрали? Жила бы я сиротой, все бы меня жалели. А теперь никто меня не жалеет, никто, никто, никто! И ваши букашки дурацкие! Правильно Толик обдает вас пылью, так вам и надо. И твоя бабка зануда! И ты там, за стенкой, пиявка! Ой, не могу! – вопит Марка. – Пристали к людям со своими клопами – постельный, лесной. – Марка ругает всех подряд. Но больше

всего достается тетушке. – Я вам не игрушка! Завели меня, как собачку, для собственного удовольствия!

– Испорченный ребенок, – вздыхает бабушка, – испорченный ребенок. Нельзя тебе с ней дружить.

– Не буду, теперь никогда не буду с ней дружить, – клянусь я бабушке.

Она для меня не существует, не существует, и все! Но как я ни убеждаю себя в том, что Марка не существует, она продолжает существовать. Колотит руками и ногами о фанерную перегородку, и от этого у бабушки лопаются в ушах перепонки.

– Слушай, Ленка, слушай, – говорит бабушка, – наконец ты поймешь, чего стоит твоя подруга Марка. Чужой ребенок, вот и все.

– Чего вы к нему пристали? – кричит Марка на тетушку. – Если б не Толик, меня бы раки сгрызли! Пять пузыреногих за одну голубокрылую! Ах, если бы вы были настоящей матерью... а не тетушкой...

– Марка не чужой ребенок, – говорю я бабушке, – просто она влюбилась и страдает.

– Что ты мелешь?!

Марка бушует, а тетушки не слышно. Наверное, она окаменела от горя.

– Полина Яковлевна, – появляется тетушка в нашем окне. – Я рано утром уезжаю на ученый совет. Так что придется вам за молоком сходить.

Мелкие седые кудряшки выбиваются из-под сиреновой шляпы, в сумерках лицо тетушки тоже кажется сиреновым.

– Ладно, – говорит бабушка, – вы уж так не расстраивайтесь.

– Постараюсь. Но, боюсь, все это выше моих сил.

– Бедная женщина! – вздыхает бабушка, когда тетушка уходит. – Сколько лет она во всем себе отказывает, сколько лет она носит этот рваный портфель!

Что будет? Вдруг тетушка вернет Марку в детдом? Пусть только они помиряются! Я готова приносить ей по полному коробку жуков и не подписывать их именем нашедшего. То есть моим. Я буду собирать их ради тетушкиной науки, а не ради славы.

– Бабушка, отпусти меня во двор, я целый день лежу здоровая!

– Не могу. Мы должны захватить простуду в постели.

– А если мы ее сегодня захватим, ты меня выпустишь во двор?

– Утро вечера мудреней, – изрекает бабушка ненавистную поговорку.

– Но как же ты с утра пойдешь за молоком, тетушка-то уехала? – не отстаю я.

– Докучливая, – ворчит бабушка, – так уж и быть, возьму тебя с собой. Если ты не дашь признака болезни.

– Не дам, – заверяю я бабушку, засыпая.

Утро. Бабушка сидит за столом и преспокойно пьет чай с вареньем. Крупные инжирины плавают в густом золотистом сиропе. Она делит инжирину на четыре части, не засовывает ее целиком в рот, как мы с Маркой. У нее рот малюсенький, и зубов в нем нет. И у меня вот-вот выпадут передние зубы. Они шатаются, и я раскачиваю их языком, чтоб скорее выпали и на их месте выросли новые. Из-за этого мне не разрешают есть холодное и горячее. Все только в теплом виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.